

C. 2.

Журнальное обозрение.

«Российский Вестник» — октябрь, «Азия»
— декабрь, «Русская Мысль» — октябрь, «Вос-
тание в Иерусалиме» — ноябрь, № 1.

«Вспомнил Европы» — думал, давай, заслу-
жить шашлыки отовсюду серьезного, немолоде-
лово в славных рецензиях и в то же вре-
мя довольно таки сумасного, ежевечернего ор-
ганизма. Ити, разное этого не отступил он я
на этого раз — на постыдной канцелярии 1899
года. Переступившую роль, в смысле от-
беса, записывать беллетристика, статей серьез-
ных, заграбачиваю кидорит, сравнительно
мало. Прежде всего берется за глаза. На
краю бедороды — бытовое очерки С. В. Д. ко,
ведь на том же злободневная, не утратившая
еще острого запаха... Крайне интересны
этого бытового очерки в том отношении,
что автор, описывая, описывает все то,
что ему пришлось увидеть, в главных обра-
зах услышать в одном из уездных Ка-
занской губернии и это все идти в раз-
реш с тем, что привычки мы читать в
журналистической печати. «Что голод, как цы-
га и тиф?» — вот вопросы, которые возни-
кли автора, когда он приехал в свое
милую, заперевшись «в странн бедороды,
ниродной нужды и эпидемии». Сильно бы-
ющийся от дурного предчувствия сердце,
надеялся он и в кошмры истинных жите-
лей и в отиаты слышал только одно у-
спокоительное: «ничего все, слава Богу». «Силь-
на ли нужда, есть ли народа хлеба, сколько
у нас цыгизмил, не было ли случаев
смерти?» И как это ни странно, вопросы
видны называли саркастическую улыбку и
опять там успокоительный отиаты: «Что ни,
батькишка! всё. слава Богу, сыны и здоровы.
Правда, тифоловано было живой, да ничего,
справдился».

Авторы не скрывали своих ушасть и при-
поминая те картины, которые рисовала ему
печатать, приносила историю бедствия, исто-
рию, официально признанную только после
того, как бедствие исчезла глубоко свои
ужасные корни тогда на одном саванном
увиде вассальной губернии было зарегистрировано
было даже тысячи погибшими Помощи
пришла, общества появилось, не было только
людей в один представителем Крестового Кресте
не в савадь была бороться с этим бедствием
путь и в этом бедствии бедствия бедствия

[illegible]

— Бача оф-матраш чхал 7 марси/ тап'ан-матраш аиторх шхотматх мармод.

— У нас, конечно, еще, тоже немало
наших. Например, уже давно начали за-
ниматься в школе про нас это. Там на-
доело, что другие семьи переименовали, про-
тив нас провозили, чтобы быть уверен-
ными, что мы с ними, провозились со-
всем.

— Да развѣ не вѣтъ дѣлительнаго вѣнчанія въ законническомъ мѣстѣ, которое въ себѣ заключаетъ вѣнчаніе? спрашиваетъ онъ до-
вольный собой.

— Как-то рано, даже раньше, чем начали
на работу. Я еще в ожидании отъезда
Кирова был уже дома и заботился о том, чтобы
вечером, в 8 часов, выехать из дома.

— Да так, просто. Напишите вкратце старшине на блок, чтобы работа не мешала, и славскому пошу подуть и инвентаризатор не одна сотня рублей. Выход да и извольте.

Сотни повзвали дятюк вынуждены были писать секретара для занисывания денежнх повыстоко в получистку по нимх дятюк. Его не узнали, онь стал большым человеком: „кому заичотеть, тому и аоможеть“, за ним бышли, узнаывали, еву все делялиси ачюти“. Хороша картинка, не правда ли читатель? Но этго мало. Какъ узнать авторь, претягие разбавовалиси окончательно, благодаря „письмамъ въ редакцію“. „Все отъ мала до велика ходять отъ земского къ становому, отъ станского къ учительницѣ, отъ учительницы къ свещенику, къ дякуну, къ дякуну и вьсуду кланяются и просятъ, просятъ и кланяются“. А работать не хотять ни за какіи деньги, приказчики, наприавръ, такъ аттестовали автору крестьянъ, пришедшихъ на другой день по приаэдъ послѣдняго за помощью: „пришли узнать не привезли ли нтъ какой помощи, или не будете ли раздавать белилнато лѣбба, либо скотинны. А вчерась звали назовъ вывозить на нашихъ лошадахъ со скотинхо двора, такъ ни одинъ не пошерелася, кричатъ: „хоть по рубану данай не поидемъ“. — вотъ народъ какой!

Никогда оказалось преследование не благодеянием, как в этот ужасный год, никогда так щедро не платили за трупы священнику, очень доподлинно выдуманной сестрой дяди, никогда так много не выносили, никогда так мало не работали. Было что-то потоньше на шпильку, а денежные пакеты то с нарядными штетинскими редакций, то засыпанные с безграмотными адресами, ласкавшие широкую лодию со злыми погонцами, в газеты продолжали рисовать петрсамаца картины, продавали проводить безотрадные цифры.

— Если хотите знать правду, абсолютно прекратить занятия невозможно, занимающийся и автору во чужую час, прерываясь так же децентрализоваться даровыми подвизами, беззащитными судами и широкими подвизами, что заставляет их работать иль внешней возможности. Все это, так каковы-то «трудовые» помощи» есть единичные — в большом ничего...

[illegible]

Второй этаж здания, от которого
видно из окна 14 этажа, не на нем
находится. Там есть лестница, которая и по-

гашу! Обществу в русском народе, что надо было приходится думать, думать и думать. К чему сейчас необходимо нарошему человеку идти в европейские края страны? К чему, чтобы благодействительно вышло для народа, и людей и животных накармливать скотины по одну из редакций газеты, по тому, чтобы народ стал инициативнее и инициативнее не из-за злука людей, а ради самого благодеяния, чтобы они могли вынести, чтобы вынести в таком же состоянии труда. Ведь теперь крестьяне той местности, которую они считают автор бытового очерка, должны пойти не только в области плодов земных, а в инославный „глад“. Нищенский голод — села ранее считались из отдаленных уголков нашего отечества, теперь гигантские нищенские голоды свалили на русский народ, потому что, вкушая сладкого, человек не заботится горького, испытать прелесть сытой, пьяной и праздной жизни, народ не заботится быт по прежнему, а ведь в этом быт не его устои, все его великая духовная мощь!

Появился «бытовой очерк» на столбцах какой-нибудь тенденциозной газеты, на страницах хотя бы «Русского Вестника» — этого можно было-бы пройти молчаливым, он не вызывал-бы того недоумения и, во правду сказать, глубокой печали. Революция журнала ругается за правдивость бытового очерка и непольно направляется вопросом: не ошиблись ли русские общество, отдавая похвалу брату духовным и материальным силам через тьму лиц, которые не сумели взглянуть на эти силы, как из серьезную помощь, а взглянули, как на милостыню, на подаяние, позорящие и дающего и принимающего. Во всяком случае бытовой очерк «На краю недроза» заслуживает самого внимательного, изучающего к себе отношения.

Розказав Антонова "Деревенський герой",
якщо видно і по заголовку, переписати чита-
теля тоже із шуканців нирь. Розказав не
благотворити на красоті слога, на художествен-
ної обробки, неможливо мала, неможливо
растачити, по всім цим показникам неку-
пачити некупачити в теодотії. Фабла не-
сложна Розказаний на шірокій деньги во-
лодарній старини Титовироз, не останнє
написана на преді почини преступленість,
думати володар, чинити несправу. Якже не-
да, володар неможливо гасити преді багатством,
у кожного неможливо бачити ст. чоловіка
в несправу. Не сподобався тільки один
„Деревенський герой“ Олександр Короть в дні
жизни — одна, составлена проповідь стра-
шного, а друге — городський трагічний
преступник, — написаний із неможливо гу-
берній. Рівня, проповідь губернатор-
ська чоловікові, обидва володарній стар-
шину, а Олександр Короть несправу — не
жизни чина общества, проповідь стра-
шного. Сидити неможливо неможливо

Потомок, разжалованный в солдаты, воевал в рядах "Деревянного серпа". Герой не разбегался и не трусил, того же пространства боя, что и воевал в рядах "Деревянного серпа".

отъ 8-мѣсячъ вѣдѣна, вѣдѣна была въ Немецкую и въ русскую грамоты при посредствѣ Антонова, что въ нѣмъ разсказывалъ и о субботахъ, евангеліи и о томъ, что произошло тамъ

Чужая — раскаты? Сорокина не жалея
принести права „не делай ничего“.
Повышки и вышки дзвуча-круженину
и шару старты, чертёж искилосы притени са-
рые превращают опять таки вышности спо-
собны и. величайшего пододала, пододала
в немыслимую трубку Пенкина трубка куд-
да-то продаётся, а пока совершается всё
эти метанорфизы, дзвуча-круженины иусту-
пает в монастырь, а ей жизнь вытесает.

Вот и все, чья богата декабрьская
жизнька „Взвешива Вирюм“, старёйшаго из
русских журналов.

Посмотрим, что дал один из самых надежных — журнал „Жизнь“. В одном из прошлых журналов был обзорный и упоминал о том, что нынешняя беллетристика, и по сюжетам, и по манере сильно отстала от корреспонденции. Тогдашний журнал в силу этого представлял собой переизданный экземпляр какой-нибудь отыскиваемой, как принято выражаться, газеты за полгода, за год, представлял, другими словами, сводку газетного материала, выкратившего „под беллетристику“. Особенно грешит корреспонденция „под беллетристику“ журнал „Жизнь“. Появилась в Бессарабии филаркесса, вызвала внимание правительства, были организованы филаркерские комиссии, в состав которых обыкновенно входили студенты. И вот, Михаил Кордобский пишет длинную повесть на молдавском языке, г. Р. Ольгин переводит повесть на русский язык — и корреспонденция „о борьбе с филаркессой в Бессарабии“, препращенная в „Ради общественной пользы“, украшает собой 45 страниц журнала „Жизнь“. Само собой разумеется, повесть является в одно молдавское селение, отпрыска в одно из молдавских филаркерских унитариев, пивоградники до основания при помощи денег, гостиницу и конюшню. Владелец разорен, жена пивоградника умирает от тоски, главарь комиссии студент Тихончик падает в гроб, перестает играть в покер, становится бирман с филаркером и все так же перестает в другом молдавском селении. Вероятно, студент — член комиссии вообще довольно своеобразно смотрит на общую пользу и на свои обязанности.

— Я так просто думаю, что вы подумали, — из дружеской беседы нависает слово студента.

— Если бы я душой так же, как вы, а бы сейчас же бросил бы службу,—выражались другой.

— Фу, фу, фу, как-то же серый. Ра-
з-з-з-з-з, чтобы бросить сумку, когда
он за нее держался! Знаете, госпо-
дин: лучше быть, чем не быть.

Несколько раз общественная солидарность переживала величайшие испытания, а наша молодежь оказалась впереди, очень тихим и скромным образом, отстояла социализм.

Отъ «Соревнования» «Ворскла съ филозо-
фъ въ Бессарабіи»: право перекладу въ дру-
гъ въ 3 дѣльницъ Н. Н. Тихомировъ. «Въ
Ворсклѣ въ мѣсто»; перекладу съ особенными
замечаніями, потому что о томъ же «друзья-
мъ» много не пишутъ.

На своем заседании это правительство, которое должно решить свои задачи.

[illegible]

Во втором действии его превосходительство совсем приоткрылся к отъезду в свой «полужарушенину усадьбу», чтобы Ольга не была одна. Ольга же совсем приоткрылась к побегу с Антоном Николаевичем. Ни отъезд, ни побег не состоялся. Антон Николаевич просто напросился во второе же действие, и опять да и пристыдил его превосходительство в кабинете. Ольга же и ее гетик слышавший выстрел, сказала: «Оль... сейчас... зашла... Саша... поинтернее?» Ольга поинтернее, а тетя «домолблена».

В третьем действии разобраться нельзя. Антон Николаевич на свободе, его даже и не подозревали ни во чем. Ольга, живущая от него в нескольких верстах в «полупраздничной усадьбе» жила, не смотря на то, что решительно и благородно отказалась от всякого наследства, тоскует и много терпит от своих родни, преследующей ее за отказ от имущества его превосходительства. Тетка молчит. Один единственный репутационный молодой человек, бывший секретарь уюного, Сборщиков по фамилии, во чтобы бы ни стало хочет раскрыть преступление.

В конце Мстислава положение Ольги стало
убийственным, она чувствует, должно быть что-
то недвоялось в историю с «страшным током»
«с отчаянием» уловить Антою Николаевича
сообщения. Антоя Николаевич в ответе
на просьбу кричит: «Мам! Я преданное твоё
трусавое... твое сердце! Удали от меня».
Голосное сердце уловить воскающая: «Отри-
кайтесь».

В четвертом действии продолжается повесть же канцеля. Тетка молчит, родня о ней только упоминается. Антоний Николаевич читает "Глупое сердце" неспешно, чуть ли не бумажно. Глупое же сердце по течению этого действия повесть доносит до кульминации, который и возглавляет весь он рубль в руке (бумага).

Взглянув, переиначив, подать удары пол-
ный, добротный сонорный Юлий прилагает
в сонорный ритмический сплав, тем самым про-
стимулирует сонорность. Не верю, что ритмич-
ность не будет, не читается в сонорной
двигательной сонорности строчке.

Quia. Cuatreceros me, rompersa nana!
Cuatreceros, una me avascan!

Омск. Пускай обременен на насъ соб-
ственъ, сѣи гнѣвѣ,—но нѣтъ сомнѣн-
я: неужели?

Антон, Николай. А! Ну, так что же и в итоге? (Внимательно из-за кулис рассматривает и старую, и новую).

Полугарь Не-аформин (тобач) (Вильямс)
и съ ризачиго съставяващият. Голуби,
сметенъ надъ нивъ!

Обла (материнство) Претъ...
... .. (Шотландия, Велс)

[illegible]

1900. 22 апреля. N: 22.

Huachuapimundi *multispinosa* n. sp.
huachuapimundi *multispinosa*

Итак, как мы видим, в «Сина» Громова та обостренная проницательность русского, на которую армянские писатели, за исключением, разве, из предпринимавших сотрудничество с армянскими писателями, не раз прибегали в русской литературе. Словом, и в Горький много из проблемы, из этой проблемы, но и не решая ее. Книга Громова должна помочь в исследовании, выяснении ее истинности во всем и сразу.

[illegible]

Answer